

Истории, рассказанные Хансом Кристианом Андерсеном

Ханс Кристиан Андерсен — одна из знаковых фигур европейской культуры, каждому известны его имя и странный облик; все знают его сказки, но мало кем он воспринимается как писатель, стремившийся в своем творчестве отразить все многообразие отношений человека и окружающего мира. В нашу жизнь Андерсен приходит в самом раннем детстве, когда герои его удивительных сказок проникают в сны и игры. И сказать, что каждый ребенок знает и любит Андерсена, — это сказать чистую правду, но, вырастая, большинство людей так и оставляют Андерсена в детстве вместе со старыми игрушками; он становится частью воспоминаний, и редко кто берет с полки его книгу, чтобы перечитать хорошо известные сказки и открыть для себя новые, о которых многие даже не подозревали, когда были детьми. Действительно, если сейчас спросить у взрослого человека, что написал Андерсен, то ответ всегда будет примерно одинаков: десяток произведений, среди которых «Принцесса на горошине», «Стойкий оловянный солдатик», «Дюймовочка», «Снежная королева», в то время как Андерсен создал около двухсот сказок и историй, шесть романов, множество пьес и стихотворений.

Андерсен был большим писателем, который проявил себя во всех литературных жанрах, но значительная часть его творчества так и не стала широко известна, а славу и признание снискали только сказки, вошедшие в два первых сборника — «Сказки, рассказанные детям» (Eventyr, fortalte for børn, 1835–1841) и «Новые сказки» (Nye eventyr, 1843–1848). Очевидно, именно благодаря им Андерсен стал восприниматься как детский писатель, хотя даже

в его самых простеньких на первый взгляд сказках, правда, если в них внимательно вчитаться, мы найдем глубинный смысл, совершенно недоступный детскому восприятию. Сам же писатель никогда не считал себя детским автором и изначально не ориентировался на детей в своем творчестве — большая часть сказок и историй детям никогда не предназначалась, а сказочная и фантастическая форма были избраны им для выражения вполне определенных романтических идей.

В конце XIX века, когда Андерсена стали активно переводить на русский язык, даже возник вопрос о переложении его сказок для детей, настолько они казались сложными и философичными. Сейчас Андерсена, конечно, не адаптируют, но большинство его произведений публикуются редко, поскольку они кажутся слишком серьезными для детей, а взрослому читателю просто не приходит в голову, что Андерсен так же поэтично и вдохновенно может писать о самых существенных вопросах бытия: о жизни и смерти, о любви, о вере, о горестях и радостях человеческих, о превращениях судьбы — практически обо всем, что может волновать человека и занимать его думы.

В настоящее издание вошли произведения Андерсена из сборников «Истории» (Historier, 1852–1855) и «Новые сказки и истории» (Nye eventyr og historier, 1858–1872), которые не столь хорошо известны читателям по сравнению с ранними сказками, хотя по своим художественным достоинствам они не только им не уступают, но во многом даже превосходят. Андерсен в определенный момент отказывается от слова «сказка» для обозначения своих относительно небольших текстов, поскольку привычная сказочная форма претерпела сильные изменения. Сам Андерсен писал: «История — название, которое, как я считаю, может быть наиболее подходящим в нашем языке для моих сказок по всей их форме и природе. Народный язык подразумевает под ним простой рассказ и наиболее смелую фантазию. В народе — у детей и крестьян — небылица, басня и рассказ обозначаются только одним коротким именем — история».

Истории — произведения, разнородные и по форме, и по содержанию, но все они отмечены стремлением к универсальности в истолковании мира. Они относительно небольшие по своему объему, но включают в себя огромный жизненный материал, порой подходящий для романа, отсюда — принцип синтеза отдельных эпизодов, дающий возможность воссоздать целостную картину мира. В сказке главное — действие и результат, тогда как в истории главное — масштабность показа мира и событий, демонстрация объективной закономерности и причинной обусловленности всего происходящего.

Андерсен отказывается от условной формы сказки и помещает своих героев в реальный мир, но рамки этого мира расширены за счет мира духовного, мира, не видимого человеку, но ощущаемого самим автором. Писатель, сближая сверхъестественное с действительностью, демонстрирует глубинную взаимосвязь всех происходящих событий. Сложность композиции, неразрывность внутреннего двухмерного пространства произведения — одна из основных особенностей поэтики андерсеновской истории.

В историях зачастую изображается заурядная жизнь в ее повседневном течении, но эта «тривиальность» оказывается иллюзорной, так как герои не являются просто обычными людьми, а переосмысливаются автором как личности уникальные, заслуживающие рассказа о них: их жизнь и смерть принадлежат вечности. «Обычное» в историях у Андерсена начинает обретать качества удивительного и неповторимого. Героями историй «Старый уличный фонарь», «Пропавшая», «Иб и Кристиночка», «Бутылочное горлышко», «Ночной колпак старого холостяка» становятся самые простые люди, но судьба каждого из них заслуживает того, чтобы о них рассказать. Сверхзадачей Андерсена было изобразить лучшие проявления человеческого начала как основы мироздания. То, что традиционно обозначается словом «гуманизм», в его произведениях получает совершенно особое звучание: писатель стремится осмыслить место каждого отдельного человека в окружающем его мире, его роль в че-

ловеческой истории, которая в конечном итоге складывается из сотворенных добрых дел. Путь человечества — это жизни всех людей, знаменитых и безвестных, счастливых и несчастных, великих и простых, порой безымянных, которые и являются его подлинными героями. В 1846 году дрезденский врач Г. Г. Карус написал в альбом Андерсена следующие строки: «Удивительнейшая сказка — это сама человеческая жизнь». Эти слова стали творческим и жизненным девизом датского писателя.

Для Андерсена, как и для всех писателей-романтиков, очень важной является тема творчества, которая последовательно проявляется в его романах «Импровизатор», «Всего лишь скрипач» и «Пер-Счастливчик», к ней же он обращается и в историях «Домовой у лавочника», «Под ивою», «Сокровище», «Сын привратника». Судьба его героев очень разная: кто-то добивается успеха и признания, а кто-то гибнет, так и не раскрыв свой талант, как несчастный Кнуд — герой истории «Под ивою», но каждый из них делал мир лучше, выполнял миссию, данную ему свыше.

В целом вера в добро и человечность отличает все сочинения Андерсена, который, будучи человеком весьма религиозным, тем не менее очень далек от каких-либо форм церковной догматики. Его представления о божественной воле и личном выборе между добром и злом сильно отличались от общепринятых, но в своем духовном поиске Андерсен не одинок: его современником был величайший датский философ С. Киркегор, с которым, правда, он так и не смог найти общего языка. В историях «Еврейка», «Кое-что», «Девочка, наступившая на хлеб» проявляется вера Андерсена в то, что доброе, божественное начало присуще всем людям и оно должно так или иначе себя проявить.

Сюжеты таких историй, как «Ветер рассказывает о Вальдема-ре До и его дочерях», «История, случившаяся в дюнах», «Ледяная дева» и «Предки Птичницы Греты» тяготеют к поистине романной поэтике, поскольку Андерсен не только ставит философские вопросы, но хочет отразить реальность во всем ее многообразии: в цен-

тре внимания уже не эпизод, отдельное событие, а целая человеческая судьба. Андерсен был гениальным интерпретатором самой жизни: в небольших по объему произведениях создается модель некоего универсума, с заранее определенными автором, но и понятными читателю взаимосвязями, потому что читатель как бы вовлекается в орбиту авторских ассоциаций, этот универсум был и миром самого писателя. Создавая свой литературный мир, Андерсен не мог не отождествлять его с самим собой, с собственным пониманием законов бытия, поэтому он и представлялся ему реальным, порой гораздо более обыденным, чем сама жизнь, хотя события в его историях невероятны и исключительны: трагедия знатной фамилии До, печальный жизненный путь Юргена из истории «В дюнах», противостояние Руди и Ледяной девы или тернистый путь своевольной Марии Груббе. Создаваемый Андерсеном художественный мир находится в особых отношениях с миром обычным, он как бы живет по своим собственным законам: присутствующее в нем фантастическое начало — это часть того особого мироощущения автора, когда реальность соседствует со сверхъестественным. Андерсен кажется порой наивным, как средневековый человек, верящий, что мир населен огромным количеством различных духов и сил, которые страшны и притягательны. Для Андерсена-романтика жизнь включает в себе и все многообразие действительности, и то, что находится за ее пределами, а потому и бытовые предметы, и животные, и силы природы, высшая воля персонифицируются и проявляют себя совершенно естественно, не нарушая целостности повествования. Мир един и многообразен, писатель пытается охватить его во всей гармоничности.

В книгу вошли новые переводы историй, поскольку уже ставшие классическими переводы, сделанные более столетия назад датчанином Петром Ганzenом и его русской женой Анной Петровной, все-таки несколько устарели, в том числе и стилистически. Представляется, что переводчикам удалось передать особую пове-

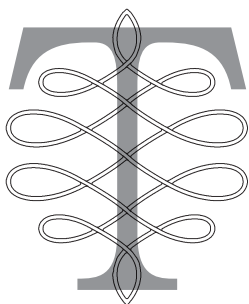

ствовательную интонацию, присущую именно историям, что во многом и отличает их от сказок, которые Андерсен писал в предшествующие десятилетия. Главная цель издания сборника поздних произведений Х. К. Андерсена видится в том, чтобы наш современник вспомнил, что датский сказочник был не только детским писателем и не только сказочником, но и крупным романтическим автором, чьи сочинения не отжили свой век, а могут быть интересны читателю любого возраста и сейчас.

А. Коровин

Старый уличный фонарь

ы слышал историю о старом уличном фонаре? Она, конечно, не очень-то веселая, но один разок можно и послушать.

Был на свете славный старый уличный фонарь, долгие годы он исправно нес службу, и вот пришла пора уйти на покой. Последний вечер сидел он на столбе, освещая улицу, и чувствовал себя как старая балетная танцовщица, которая последний раз вышла на сцену, зная, что завтра вечером будет сидеть в чердачной каморке. Фонарь ужасно боялся завтрашнего дня, потому что завтра он впервые попадет в ратушу и тридцать шесть городских советников подвергнут его осмотру и решат, годен он или не годен. Может быть, его отправят на какой-нибудь мост, чтобы светить там, или за город, на фабрику, или, чего доброго, прямоком к литейщику, на переплавку, а ведь тогда он может превратиться во что угодно. Но в первую очередь фонарь огорчился оттого, что не знал, сохранит ли он в таком случае память о том, как был уличным фонарем.

Впрочем, как дело ни обернись, его ждет разлука с ночным сторожем и его женой, кото-

рых он привык считать своим семейством. Фонарь стал фонарем, аккурат когда сторож стал сторожем. Жена в ту пору много о себе мнила, только вечерами мимоходом смотрела на фонарь, днем же совершенно его не замечала. Теперь, в последние годы, когда все трое — сторож, жена и фонарь — состарились, она тоже ухаживала за ним, чистила стекло, заправляла ворвань. Супруги были люди честные, ни единой капли не присвоили. Последний вечер на улице, а завтра быть ему в ратуше — вот о чем с грустью думал фонарь, так что сами понимаете, как он горел. Мелькали у него, правда, и другие мысли, ведь он так много всего освещал, так много повидал — уж, наверно, не меньше, чем тридцать шесть городских советников, — но этого он не говорил, потому что был славным старым фонарем и не хотел никого обижать, тем паче начальство. Он так много помнил, и, меж тем как внутри разгорался огонь, что-то словно бы говорило ему: «Да, и меня тоже наверняка вспоминают! К примеру, тот красивый юноша — ах, сколько же лет минуло с тех пор! — в руке у него было письмо, листок розовой бумаги, тонкой, дорогой, с золотой каемкою, исписанный изящным женским почерком. Он дважды перечитал письмо, поцеловал, посмотрел на меня, и глаза его сказали мне: „Я самый счастливый человек на свете!“ Н-да, только он да я знали, что было написано в первом письме от любимой.

Помню я и другие глаза — странно, как скачут мысли! По улице тянулась пышная похоронная процессия, на затынутом бархатом катафалке лежала в гробу молодая красавица, кругом цветы, венки, множество горящих факелов, они прямо-таки затмили меня. Людей за гробом шло не счесть сколько, весь тротуар заполонили, а когда факелы скрылись из виду и я огляделся, возле столба стоял мужчина и плакал, вовек не забыть горестных глаз, что заглянули мне прямо в душу!»

Вот так текли мысли старого уличного фонаря, что светил нынешним вечером в последний раз. Часовой, отстоявший вахту, хотя бы знает своего сменщика и может перекинуться с ним словечком-другим, фонарь же своего не знал, а ведь вполне мог бы порассказать про дождь и слякоть, про то, докуда на тротуаре достигает лунный свет и с какой стороны дует ветер.

На краю сточной канавы собрались меж тем трое претендентов, готовых принять у фонаря полномочия, они ведь думали, он сам выберет себе преемника. Во-первых, это была селедочная голова, она светится в темноте, вот и решила, что, если водворится на столбе, будет способствовать большой экономии ворвани. Во-вторых, гнилушка, которая тоже светится, причем поярче какой-нибудь там селедки, так она сама говорила, а к тому же она — последний кусочек дерева, слывшего некогда красою и гордостью леса. В-третьих, светлячок — откуда он взялся, фонарь понятия не имел, — но так или иначе светлячок был здесь и светился. Правда, гнилушка и селедочная голова клялись, что светится он только временами и оттого принимать его в расчет никак нельзя.

Старый фонарь сказал им, что света у них маловато и на его место они не годятся, но они не поверили, а когда услышали, что фонарь не вправе распоряжаться своей должностью, объявили, что это весьма отрадно, ведь на старости лет он и выбрать-то правильно не сумеет.

Тут из-за угла налетел ветер, ворвался под крышку старого фонаря и зашумел:

— Что я слышу? Неужто завтра тебя уже здесь не будет и нынче мы видимся в последний раз? Коли так, получай подарок! Сейчас я хорошенько проветрю тебе мозги, и ты будешь ясно и четко помнить все, что видел и слышал, мало того, еще и сумеешь, как на-

яву, представить себе все, о чем в твоём присутствии расскажут или прочтут, — вот какую ясность мыслей я тебе подарю!

— О, это замечательно щедрый подарок! — воскликнул старый уличный фонарь. — Большое спасибо. Лишь бы меня не переплавили!

— Пока до этого дело не дошло, — отозвался ветер. — Ну а теперь я продую тебе память! Коли получишь ещё подарки вроде моего, старость у тебя будет вполне приятная!

— Лишь бы меня не переплавили! — вздохнул фонарь. — Или ты и тогда сумеешь уберечь мою память?

— Ну-ну, старина, не теряй присутствия духа! — сказал ветер и принялся дуть.

В этот миг выглянул месяц, и ветер спросил у него:

— А ты что подаришь?

— Ничего! Я на убыли, да и фонари мне никогда не светили, наоборот, я светил за них. — С этими словами месяц опять скрылся в тучах, не желая докучливых разговоров.

Тут на крышку фонаря упала капля — росинка, что ли? Но капля сказала, что послана тучами как подарок, может стать, самый лучший.

— Я проникну в твоё нутро и наделю тебя особой способностью: в любое время, когда пожелаешь, ты сможешь обернуться ржавчиной и рассыпаться в прах.

Фонарю, однако, подарок не понравился, и ветру тоже.

— А получше ничего не нашлось? — во всю мочь засвистел ветер, и вдруг, оставляя за собою длинный сверкающий след, с неба скатилась падучая звездочка.

— Что это было?! — воскликнула селедочная голова. — Никак звездочка упала? И по-моему, угодила прямиком в фонарь. Да уж, раз на эту должность метят столь высокопоставленные особы, нам пора восвояси! — И она ушла вместе с остальными.

А старый фонарь вспыхнул на диво ярко и знай твердил:

— Ах, право слово, чудесный подарок! Ясные звезды всегда были мне отрадой и светили так чудесно, как сам я никогда светить не мог, хоть и старался, не жалея сил, — ясные звезды обратили взоры ко мне, бедному старому фонарю, и прислали свою падучую подружку с подарком, да каким! Отныне всем, что я помню и вижу по-настоящему отчетливо, смогут полюбоваться и те, кого я люблю! Вот подлинная отрада, ведь если нельзя поделиться с другими, удовольствие выходит куцее, половинное!

— Весьма мудрая мысль! — похвалил ветер. — Только ты, поди, не знаешь, что для этого непременно нужны восковые свечи. Пока не зажжется в тебе восковая свеча, никто из других ничегошеньки не увидит. Тут звезды кой-чего не учли, они-то думают, все, что здесь светится, имеет внутри по меньшей мере восковую свечу. Уф-ф, притомился я что-то! — вздохнул ветер. — Пойду прилягу. — Так он и сделал.

На следующий день... впрочем, следующий день можно пропустить, а на следующий вечер фонарь лежал в кресле, и где же? У старого ночного сторожа. В награду за долгую верную службу сторож выпросил себе у тридцати шести советников старый фонарь. Советники посмеялись над его просьбой, но отказывать не стали, и теперь фонарь лежал в кресле возле теплой печки, он словно бы даже изрядно вырос в размерах — занимал почти все сиденье. Старики, сидя за ужином, ласково поглядывали на старый фонарь, они бы с радостью и за стол его усадили. Жили они в подвале, на два локтя в земле. Чтобы попасть в горницу, надо было миновать мощный коридор, но внутри царили тепло и уют, потому что дверной проем обили сукном, кругом чистота и порядок, кровать укрыта за занавеской, на окошках тоже занавески, а на подоконниках — два диковинных

цветочных горшка. Матрос Кристиан привез их не то из Ост-, не то из Вест-Индии — глиняные слоны с широким отверстием в спине. Горшки были наполнены землей, и в одном рос замечательный лук-резанец, а в другом цветущая герань — тут тебе у стариков и огород, и сад. Стену украшала большая яркая картинка, изображавшая «Венский конгресс», разом всех королей да императоров. Напольные часы с тяжелыми свинцовыми гирями отстукивали свое «тик-так!» размеренно, хотя и слишком поспешно, но старики считали, лучше пускай спешат, чем отстают. Они ужинали, а старый уличный фонарь лежал, стало быть, в кресле возле теплой печки, и казалось ему, будто весь мир перевернулся.

Однако ж когда старый сторож поглядел на него и заговорил о том, сколько они пережили сообща, в дождь и ненастье, в ясные короткие летние ночи и зимнюю выюгу, от которой так хорошо укрыться в подвальной комнатке, старому фонарю вновь полегчало, мир пришел в порядок, и все, о чем говорил сторож, виделось ему как наяву — ветер и впрямь здорово прочистил его память.

Старики были люди на редкость прилежные да работающие, ни минуты попусту не тратили. По воскресеньям доставали под вечер ту или иную книгу — больше всего они любили записки о путешествиях, — и старик читал вслух про Африку, про огромные леса и диких слонов, что жили там на воле, а его жена слушала и украдкой косилась на глиняных слонов, то бишь на цветочные горшки.

— Кажется, еще немного — и я увижу все это как наяву! — твердила она.

А фонарь горячо мечтал об одном: чтобы зажгли свечу и поставили в него, тогда бы старушка впрямь увидела вместе с ним высокие деревья, густое сплетение пышных ветвей, нагих чернокожих людей верхом

на лошадях и целые стада слонов, топчущих широкими ступнями тростник и кустарник.

— Что проку от всех моих талантов, коли нет свечи! — вздыхал фонарь. — У них тут лишь ворвань да сальные плошки, а этого никак не достаточно.

Однажды в подвале появилась-таки целая куча свечных огарков. Те, что побольше, приспособили для освещения, а теми, что помельче, старушка вошила нитку, когда шила. Свечки-то были, да старики не догадались вставить в фонарь хоть маленький огарок.

— Вот тебе и редкие способности! — сетовал фонарь. — У меня внутри так много всего, а поделиться с ними не могу! Не ведают они, что я сумею превратить белые стены в дивной красоты шпалеры, в густые леса, во все, что ни пожелай! Они-то знать об этом не знают!

В общем, фонарь, до блеска начищенный, стоял себе в углу, где неизменно бросался в глаза. По правде говоря, другие люди считали его никчемной развалиной, но старики их не слушали, они любили свой фонарь.

Однажды в день рождения старого сторожа жена его подошла к фонарю, легонько улыбнулась и сказала:

— Устрою-ка я для него иллюминацию!

Фонарь от радости даже крышкой скрипнул, ведь он подумал: «Ну наконец-то их осенило!» Увы, про свечку и речи не было, в него залили ворвань, и он горел целый вечер, понимая теперь, что дар, каким наделили его звезды, самый лучший, в этой жизни так и останется бесполезным кладом. И привиделся ему сон — когда обладаешь такими способностями, конечно же, и сны видишь, — что старики умерли, а сам он очутился у литейщика и ждал переплавки, и было ему страшно, точь-в-точь как в тот раз, когда предстояло попасть в ратушу на суд тридцати шести со-

